

Содержание

Предисловие переводчика	7
Ожерелье из пчел	15
Кудесница	31
Дом на Портовой улице	61
Клара и Поль	75
Летние гости	85
Флаги и улыбки	101
Церковь и государство в Сен-Дени	115
Посторонняя	123
Светская жизнь при нацистах	137
Война в России	151
Выжить на Олероне	163
Володя	175
Русские из России	189

“Арманьяк”	201
Возвращение Клары	217
Мир без немцев	237
Эпилог	253
О героях этой книги. <i>Послесловие переводчика</i>	261
Между двух миров. <i>Наталья Громова</i>	271
Франция во Второй мировой войне. <i>Краткая хронология</i>	279
Благодарности переводчика	283

Предисловие переводчика

Начало сентября 1939 года. Семья небогатых русских эмигрантов, мать и двое детей, приезжает на остров Олерон, расположенный недалеко от Атлантического побережья Франции, чтобы провести несколько недель на море. Весть о начале Второй мировой войны застаёт их в самый день приезда. Оправившись после первого шока, все остальные члены семьи — сестры матери со своими детьми и глава семейства, бабушка, — решают переехать из Парижа на Олерон и переждать там бурю, которая вот-вот накроет континент. Всеобщая мобилизация объявлена, мужчины скоро уедут в армию, и четырем женщинам с пятью маленькими детьми в возрасте от двух до девяти лет будет легче вдали от столицы.

В маленькой патриархальной деревне Сен-Дени на севере острова они проведут пять лет, переживут поражение Франции и приход нацистских войск, научатся выживать в условиях безденежья и дефицита продуктов, будут читать наизусть русские стихи при свете масляной лампы. К ним присоединятся мужья двух из трех сестер. Рискаю свободой и жизнью, вся семья будет слушать по ночам радиопередачи из Лондона и Москвы и участвовать в движении Сопротивления.

Автор этой книги Ольга Андреева-Карлайл — старшая дочь Ольги Андреевой-Черновой и Вадима Андреева, сына знаменитого русского писателя Леонида Андреева. На момент приезда на остров ей было всего девять лет. Ольга училась в Сорбонне, в 1951 году вышла замуж за американского писателя Генри Карлайла и переехала в Нью-Йорк, где училась живописи, занималась переводами и писала о русской

литературе, стремясь донести до западного читателя ее красоту и богатство. В ее книге “Голоса в снегу”*, вышедшей в 1963 году, описаны встречи и интервью с Михаилом Шолоховым, Евгением Евтушенко, Булатом Окуджавой, Борисом Пастернаком и многими другими поэтами и прозаиками.

Отец автора Вадим Андреев во время одного из приездов в Москву смог тайно вывезти рукопись романа Александра Солженицына “В круге первом”, а ее брат Александр — роман “Архипелаг ГУЛАГ” (спрятав микрофильм в ящике с переводческой аппаратурой). Позже Ольга Андреева-Карлайл вместе с мужем перевели “В круге первом” и организовали его публикацию на английском языке**. Они сделали новый перевод на английский и французский языки романа “Идиот” Федора Достоевского, перевели “Сестра моя — жизнь” Бориса Пастернака, стихи Осипа Мандельштама и других русских поэтов. Последние годы Ольга Андреева-Карлайл живет в Сан-Франциско.

Книга “Остров на всю жизнь” была написана на английском языке и вышла в свет в США в 1980 году. В 2005-м она была переведена на французский язык и опубликована во Франции, в 2015 году вышло второе французское издание. При переводе на русский язык использовались и английский, и французский варианты текста, так как при французском переиздании автор и редактор сделали некоторые уточнения. Имена местных жителей и русских солдат, участвовавших в движении Сопротивления на Олероне, по желанию автора приводятся здесь в соответствии с английским вариантом текста.

* *Voices in the Snow: Encounters with Russian Writers, Olga Andreyev Carlisle, Random House, 1965, New York.* (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания переводчика.)

** К сожалению, во время работы над англоязычной версией романа между ними и Солженицыным возникли разногласия, описанные потом Солженицыным в книге “Угодило зернышко меж двух жерновов”, а самой Ольгой Андреевой-Карлайл — в “Возвращении в тайный круг”.

Ольга Андреева-Карлайл

Остров
на всю жизнь.
Воспоминания
🌀 детства 🌀

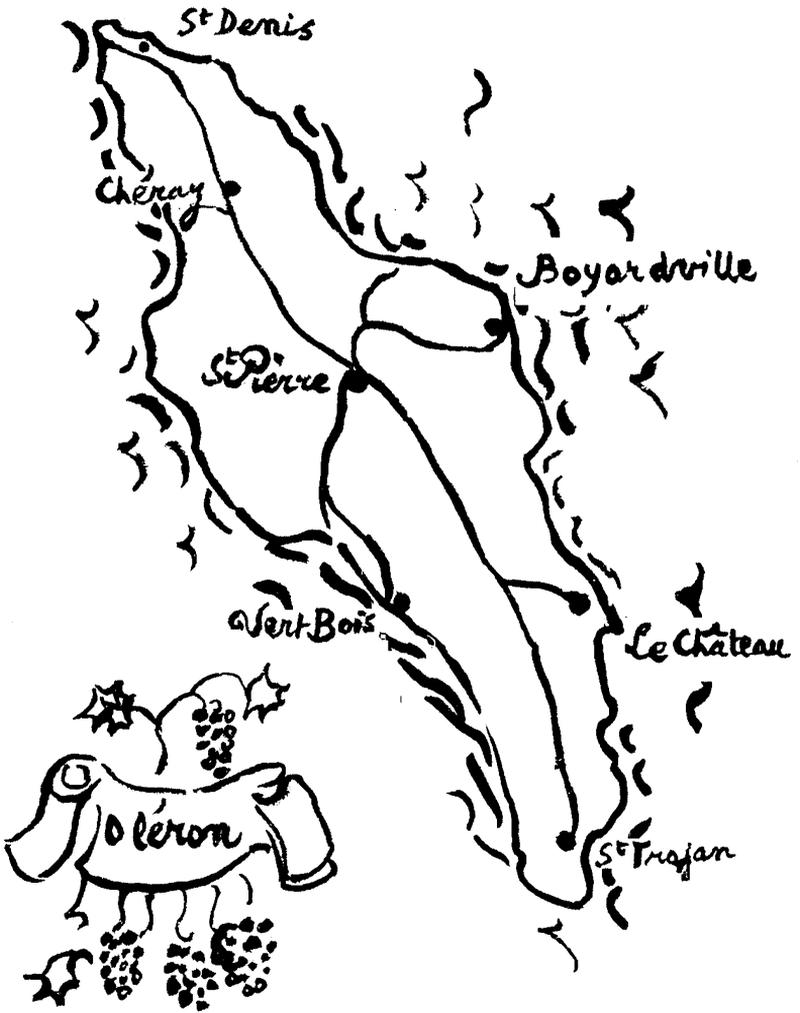
Саше и моей подруге Мари-Луизе

Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела:
— Здесь, в печальной Тавриде, куда нас судьба занесла,
Мы совсем не скучаем, — и через плечо поглядела.

Всюду Бахуса службы, как будто на свете одни
Сторожа и собаки, — идешь, никого не заметишь.
Как тяжелые бочки, спокойные катятся дни.
Далеко в шалаше голоса — не поймешь, не ответишь.

О. МАНДЕЛЬШТАМ. Из сборника *Tristia*

ОЖЕРЕЛЬЕ ИЗ ПЧЕЛ

Кроме полосы мусора, полузарытых в песок смятых пластиковых бутылок вдоль линии прилива, пляж Вер-Буа на дикой стороне острова Олерон с сороковых годов совсем не изменился. Бескрайняя ширь, за ней, далеко — Северная Америка, а здесь все так же искрится нетронутый песок, настолько спрессованный приливами, что шаги не оставляют на нем следов. На влажной глади песка — следы ручейков, текущих в море, и голубоватые отблески неба. Бледное зеркало неба над океаном, гряда белой пены нарастает на горизонте. Воздух пропитан гулом прибоя, глухим и размеренным.

Глядя на океан, я на краткий миг готова поверить в обманчивую неподвижность прилива. Волны подступают незаметно, обгоняя друг друга. Я спрашиваю себя — когда они поглотят нас? Ко мне возвращается давно забытое чувство, которым мы так наслаждались в детстве, когда и страшно, и оторваться невозможно.

Пляж Вер-Буа по-летнему теплым вечером в начале сентября 1939 года — мое первое воспоминание о Второй мировой войне, которая вспыхнула как раз в тот день. Мне было девять лет. Мы приехали на остров Олерон на весь сентябрь, чтобы

провести там каникулы — в конце лета снять жилье на берегу моря было гораздо дешевле, чем в разгар сезона, а мы, как большинство русских эмигрантов, были бедны. Известие о войне не стало для меня неожиданностью. Конечно, это была катастрофа, невыносимая, но неизбежная. Я знала, что такое война. Мне рассказывали много историй о ней — по сравнению с нашим спокойным миром они казались увлекательными. Рассказы о Гражданской войне в России, наполнявшие мое детство, смешивались у меня в голове с эпизодами раздиравшего Испанию братоубийственного конфликта между франкистами и республиканцами. Там, на полях сражений обеих войн, все было, как в театре: борьба добра и зла, средневековые осады, героические смерти, словно в сказках про короля Артура.

Гражданская война в России была частью нашей обыденной жизни — так свежи были мамины воспоминания о голоде, о том, как целыми месяцами не было никакой еды, кроме мерзлой картошки. Нам рассказывали об уличных боях, полицейских обысках, дерзких побегах. Эти истории из жизни моей матери и ее семьи, принадлежавших к партии социалистов-революционеров, были невероятными, фантастическими, но мы слышали их столько раз, что успели выучить наизусть. А кроме того, все заканчивалось хорошо, поскольку и мама, и вся семья были здесь.

За год до приезда на Олерон, в 1938-м, когда Франция и Англия подписали в Мюнхене мирное соглашение с Германией, меня глубоко поразила реакция моих родителей — они были в отчаянии. Мне было восемь лет, и я впервые столкнулась с парадоксом. Я понимала, что война — это ужасно, но в то же время знала, что войну надо было объявить, чтобы спасти свою честь и сохранить мир, в котором мы жили.

В то время наша семья занимала маленькую квартиру в Плесси-Робинзон, дальнем пригороде Парижа. Радиоприемника у нас не было, и мы с отцом каждый вечер в поисках новостей выходили на главную улицу города. Обычно отец покупал вечернюю газету *Paris-soir*, иногда — газету русской эмиграции. Печаль, которую он при этом испытывал, передавалась и мне.

Снаружи маленькой писчебумажной лавки, где продавались газеты и журналы, под красно-белым полосатым матерчатым навесом на тротуаре были разложены стопки *Paris-soir*. Внутри густо пахло типографской краской, там всегда было полно народу. Люди громко разговаривали, поздравляя друг друга. Все газеты были заполнены фотографиями Гитлера и Чемберлена, улыбавшихся, пожимавших друг другу руки. Заголовки аршинными буквами гласили: ВОЙНЫ ЕДВА УДАЛОСЬ ИЗБЕЖАТЬ! НОВАЯ ЭРА МИРА! МЮНХЕНСКОЕ ЧУДО! То лето запомнилось мне патриотическими демонстрациями, развевающимися флагами и тем, какими беспомощными и униженными ощущали себя родители. Еще никогда за время жизни во Франции мы не чувствовали себя такими чужими.

Мы были иностранцами, и в детстве я довольно часто ощущала себя в изоляции. Наша семья жила в недавно застроенном квартале, практически в лесу, до Парижа было пятнадцать километров. Общались только с русскими, говорили только по-русски. Дом стоял высоко на холме, возвышавшемся над Робинзонским лесом, знаменитым своими тенистыми кафе, куда по воскресеньям на пикники приезжали художники со своими *midinettes**. Плесси, построенный в середине тридцатых годов, во времена правительства социалистов и Леона

* *Midinettes* — барышни не очень строгого поведения, обычно подрабатывавшие шитьем (фр.).